

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин*

**«НЕОБХОДИМ АРХЕОЛОГ ИЛИ ИСТОРИК ИСКУССТВА»:
Д.В. АЙНАЛОВ НА ВЫБОРАХ В АН СССР В 1928 г.**

V.G. Ananyev, M.D. Bukharin

**“AN ARCHEOLOGIST OR HISTORIAN OF ARTS IS NEEDED”:
D.V. AINALOV AT THE ELECTION TO THE ACADEMY
OF SCIENCES OF THE SOVIET UNION IN 1928**

Аннотация. В статье восстанавливаются основные вехи научной биографии видного историка искусства Дмитрия Власьевича Айналова (1862–1939), анализируются материалы из Архива Российской академии наук, прежде не привлекавшие внимания исследователей, связанные с попытками избрания его в действительные члены Академии наук СССР. Биография Д.В. Айналова рассмотрена в контексте развития Академии наук СССР как научного и общественного института, в частности — истории реформ устава АН СССР. Движущей силой продвижения кандидатуры Айналова, ученика Н.П. Кондакова, был академик-антиковед В.П. Бузескул, однако его личные усилия оказались тщетны. Со второй половины 1920-х гг. давление государственной власти на Академию наук продолжало усиливаться, и выборы новых академиков начинали рассматриваться как одно из средств «советизации» академии. Сама академическая корпорация не была едина, в ней были ощутимы внутренние противоречия. В частности, значительное влияние приобрела группа академиков-востоковедов, и некоторые академики считали необходимым противостоять этой группе С.Ф. Ольденбурга и его коллег. В таких условиях выборы становились одновременно и пространством борьбы внутри самой корпорации и, одновременно, пространством

* *Ананьев Виталий Геннадьевич*, доктор культурологии, доцент Института философии СПбГУ

Ananiev Vitaly Gennadievich, Doctor in Culturology, Associate Professor, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University
v.ananev@spbu.ru

Бухарин Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН

Bukharin Mikhail Dmitrievich, Doctor in History, Full Member, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

michabucha@gmail.com

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»).

противодействия внешнему давлению. На основании материалов частной переписки академиков авторы статьи восстанавливают контекст и обстоятельства выдвижения Д.В. Айналова на академическую кафедру. Впервые в статье опубликованы записки о научных заслугах Д.В. Айналова, в которых коллективы ученых пытались обосновать целесообразность его избрания. Борьба Академии наук СССР за самостоятельность в принятии ключевых решений оказалась безрезультатной, государственный контроль стал превращаться в тотальную советизацию академической жизни, приведшую к затуханию свободы научных дискуссий. В итоге Академия наук СССР из чисто научного института превратилась в инструмент политического давления, а академики-историки, пережившие период репрессий (С.А. Жебелёв, Д.М. Петрушевский), предпочитали не проявлять инициативу и следовать в русле, заданном сверху.

Ключевые слова: советская наука, устав Академии наук СССР 1927 г., выборы в Академию наук СССР, академик С.А. Жебелёв, академик В.П. Бузескул.

Abstract. The article reconstructs the main milestones of the academic biography of the prominent art historian Dmitry Vlasievich Ainalov (1862–1939), analyzes the up to now neglected materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences regarding the attempts at electing him to full membership in the USSR Academy of Sciences. Ainalov's biography is examined in the context of the development of the Academy as a scientific and public institute, and particularly the reforms of its charter. Academician V.P. Buzeskul fought for the promotion of Ainalov, N.P. Kondakov's disciple, but in vain. Since the second half of the 1920s the pressure of state power on the Academy of Sciences was increasing and the elections of its new members began to be considered as one of the ways of sovietization of the Academy. The academic corporation in itself was not united and troubled by internal tensions. A group of academicians in Oriental studies, headed by S.F. Oldenburg, in particular, gained significant influence, and a number of the Academy members thought it necessary to oppose to it. In such conditions, the elections became a space for both fights within the corporation and opposition to the external pressure. The authors restore the context and circumstances of Ainalov's nomination to the academic department on the basis of the private correspondence of academicians. For the first time, they publish the notes on Ainalov's academic achievements, with which various groups tried to justify the feasibility of his election. The fight of the Academy of Sciences of the USSR for its autonomy in key decision-making turned out to be ineffectual, the control of the Soviet state over the Academy led to its total sovietization and attenuation of the freedom of scientific discussion. As a result, the USSR Academy of Sciences turned from a purely scientific institution into an instrument of political pressure, and the academicians-historians who survived repressions (S.A. Zhebelev, D.M. Petrushevsky) preferred not to show initiative and to follow the course determined from above.

Keywords: Soviet science, the 1927 charter of the USSR Academy of Sciences, elections to the USSR Academy of Sciences, academician S.A. Zhebelev, academician V.P. Buzeskul.

12 ноября 1929 г., отвечая на вопрос корреспондента о возможности нового выдвижения своей кандидатуры в академики, антиковед Г.Ф. Церетели, не получивший поддержки на предыдущих выборах в 1928 г., писал академику С.А. Жебелёву: «Я думаю, что а priori я был прав, когда отказался, но затем мне пришла в голову следующая мысль: “да, но возможно, что и выставление кандидата, и самые выборы уже не будут протекать в прошлогодней обстановке, а в другой, чисто академической, т.е. среди самих академиков, без привлечения чуждого и пришлого элемента”. Не знаю, правильна ли эта мысль»¹.

Эти размышления очень точно характеризуют ситуацию в Академии наук СССР рубежа 1920-х — 1930-х гг., когда активная «советизация» не только разрушила прежний уклад жизни корпорации ученых, но и сами выборы превратились в один из инструментов политического давления на них. В данной публикации на примере неудачного выдвижения в академики крупного искусствоведа члена-корреспондента ИАН Д.В. Айналова демонстрируется, как эти события резонировали в гуманитарной части академии, а также вводятся в научный оборот несколько документов, прежде не привлекавших внимания исследователей.

18 июня 1927 г. был принят новый устав Академии наук СССР. Предыдущий устав 1836 г. с некоторыми поправками действовал почти столетие. В стране сменился государственный строй, само общество претерпело радикальные изменения, а Академия наук, в соответствии с §1 действовавшего устава, продолжала считаться «первенствующим ученым сословием в Российской империи». Параграф 5 устава предписывал иметь в составе Академии наук 21 ординарного академика и 10 адъюнктов. Члены академии состояли «под особенным высочайшим покровительством, оставаясь в ведении министра народного просвещения, чрез которого восходят к его императорскому величеству все дела Академии...» (§13). Академия по уставу 1836 г. обладала значительной автономией, что гарантировал §15: «Порядок и внутреннее благоустройство Академии поручаются собственному ее наблюдению». Главной же задачей академиков являлось «употребление всех сил к усовершенствованию своей науки, к обогащению ее новыми открытиями и к умножению, таким образом, человеческих познаний» (§56)².

Эти и целый ряд других параметров устава, формально действовавшего еще на момент коренного реформирования статуса Россий-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 2. Д. 133. Л. 310.

² Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 105–117.

ской академии наук в 1925 г. и выборов в мае 1927 г., пришли в разительное противоречие с формой, содержанием и целеполаганием советского государственного аппарата. Государство, приняв решение об интеграции академической науки в новую систему управления, не могло не озаботиться новым уставом АН СССР, который отвечал бы целям советского строя.

Сразу же после празднования 200-летнего юбилея РАН, к которому Академия постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. была переименована в Академию наук СССР и была признана «высшим ученым учреждением Союза ССР», 19 ноября 1925 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) была создана комиссия Политбюро для связи и наблюдения за работой Академии наук. 11 февраля 1926 г. председателем этой комиссии был утвержден А.С. Енукидзе. К 15 апреля 1926 г. данная комиссия подготовила проект нового устава АН СССР. 30 апреля, 5 мая, 12 мая, 19 мая и 26 мая 1926 г. вопрос о новом уставе рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), однако лишь заседание 26 мая было результативным³.

До выборов в мае 1927 г. новый устав принять не успели, и последние «дореформенные» академики-историки — С.А. Жебелёв и Е.В. Тарле — были избраны еще по уставу 1836 г. Неизбежность перемен, однако, была очевидна. Оправдывались тревожные ожидания определенной части академиков, озвученные историком В.П. Бузескулом в письмах к коллегам по «первенствующему ученому сословию». 17 июня 1927 г. он писал новоизбранному академику С.А. Жебелёву: «Я и раньше думал, да и теперь думаю, что “всесоюзность” Академии — это “чечевичная похлебка”, которая ей может дорого обойтись ... И как я рад, что избрание Ваше состоялось раньше введения нового Устава»⁴. И чуть позже, 8 июля 1927 г., в тех же самых словах повторял академику С.Ф. Платонову: «Я живо представляю себе всю затруднительность положения Академии и еще более убеждаюсь в правильности мысли, высказанной мною в разговоре с покойным В.А. Стекловым, что “Всесоюзность” Академии может оказаться “чечевичной похлебкой”, за которую придется расплачиваться»⁵.

Приняв новый устав АН СССР, советское государство озаботилось проблемой новых выборов. Кадровый состав академии отвечал, скорее, уставу 1836 г.: в составе высшего научного органа страны не было ни одного коммуниста.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 44–52.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 26.

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 12.

14 января 1928 г. Общее собрание АН СССР утвердило список новых членов-корреспондентов, избранных по отделениям, всего 23 человека.

19 января 1928 г. в повестке дня Политбюро ЦК ВКП(б) является вопрос «Об Академии наук». 23 марта были приняты уже и конкретные постановления: количество академиков решено увеличить до 80⁶, комиссия Политбюро по наблюдению за Академией наук получила полномочия по выдвиганию угодных кандидатов через различные научные и общественные учреждения. При этом коммунисты были заинтересованы в расширении, прежде всего, Отделения гуманитарных наук, так как именно в нем они имели возможность выдвинуть своих представителей⁷. Был составлен список из семи членов партии, которые должны были быть избраны. Двое, Д.Б. Рязанов и М.Н. Покровский, взявшие самоотвод, были принуждены к участию в выборах данной партийной резолюцией. Всего было намечено 35 кандидатов, разбитых на три группы: члены ВКП (б), «кандидаты ближе к нам» и «кандидаты приемлемые»⁸.

14 апреля 1928 г. в «Известиях» был опубликован список академических вакансий, а также статья В.П. Милютина «О работе Академии наук». Статья была резко критической по отношению к работе АН СССР, автор требовал расширить состав академиков за счет ученых-марксистов.

Напряженная подготовка к выборам продолжалась и на государственном, и на местном уровнях. 17 апреля 1928 г. вопрос о выборах рассматривался на заседании секретариата Ленинградского обкома ВКП (б), а 19 апреля список вакансий был опубликован «Правдой». Всего объявлялось 42 вакансии, в том числе 6 по истории и 3 по востоковедению. Секретариат Ленинградского обкома ВКП (б) секретной «Директивой о проведении кампании по выборам кандидатов в члены Академии наук СССР» создал комиссию, задачей которой являлась активизация выдвижения кандидатов-коммунистов в действительные члены АН СССР.

⁶ 6 апреля 1928 г. постановлением СНК СССР «О списке кафедр Академии наук Союза ССР» количество академических кафедр увеличивалось до 85. Обращает на себя внимание количество кафедр по истории — 12 и востоковедению — 9. В распределении кафедр, очевидно, имело место влияние руководителей АН СССР востоковедов С.Ф. Ольденбурга, непрямого секретаря АН СССР, и И.Ю. Крачковского, возглавлявшего Отделение гуманитарных наук. Максимальное представительство в академии наук получали биологи — 13 кафедр (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 191. Л. 56–56 об.).

⁷ Все имевшиеся в составе Академии наук коммунисты относились к техническому персоналу (Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. 1917–1947 / Под ред. академика С.И. Вавилова. М.; Л., 1950. С. 74).

⁸ Там же. С. 53–54.

1 июня 1928 г. был сформирован список кандидатов, который, по предложению неперменного секретаря АН СССР С.Ф. Ольденбурга, Общее собрание АН СССР решило опубликовать. 14 июня в «Известиях» был опубликован перечень вакантных кафедр, а 21 июля — список кандидатов. Всего на 42 места претендовали 207 человек, из которых 48 представляли технические науки. По решению Общего собрания АН СССР, 20–25 сентября должна была начать работу Особая комиссия по выборам⁹. Состав комиссий по выборам был утвержден 2 октября¹⁰. 10 октября, как сообщали «Известия», эти комиссии начали отбор кандидатов для голосования, а 23 октября этот список был представлен президиуму особых комиссий.

Параллельно велась работа по освобождению академических кафедр за счет исключения ученых-эмигрантов, потерявших связь с Академией.

С октября 1928 г. началось печально известное «дело Жебелёва», раскрученное с целью давления на академическое сообщество и склонения его к избранию угодных власти кандидатов. В составленной в тот период записке академик П.К. Коковцов зафиксировал, что, по словам С.Ф. Ольденбурга, «неблагоприятный результат предстоящих выборов тяжело отразится на положении некоторых академиков и что уже намечены лица из числа действительных членов бывшего Отделения русского языка и словесности, которые будут немедленно исключены из состава Академии, в случае если бы хотя один из правительственных кандидатов-коммунистов не пройдет при избрании»¹¹. И позже подкрепил это свидетельство словами академика Ф.И. Щербатского, сообщившего, что «правительство, действительно, угрожает Академии увольнением четырех из академиков, как он слышал: Соболевского, Никольского, Жебелёва и Лаврова»¹².

12 декабря 1928 г. состоялись выборы действительных членов АН СССР по Отделению гуманитарных наук. 12 января 1929 г. выборы прошли уже в Общем собрании, и три кандидата-коммуниста — М.А. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче — избраны не были. Это обстоятельство послужило поводом для дальнейшего давления на Академию.

Такова в общих чертах хронологическая канва выборов 1928–1929 гг. в Академию наук СССР. Государство обеспечило расширение количества вакансий, руками «общественности» гарантировало изб-

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1928. Д. 177. Л. 94–94 об.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 191. Л. 151–152.

¹¹ Коковцов П.К. Для установления истины // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 151.

¹² Там же.

рание угодных кандидатов, существенно изменив кадровый состав Академии наук. При этом следует учитывать, что целые направления исчезали из академической среды. Так, в 1925 г. скончался академик Н.П. Кондаков, а в 1928 г., незадолго до выборов, — Ф.И. Успенский. Академия в течение трех лет лишилась обоих своих представителей в сфере средневекового русского, византийского и западноевропейского искусства. При этом постоянным преследованиям подвергался В.Н. Бенешевич, а А.А. Васильев, хотя и рассматривался как кандидат на замещение академической кафедры византиноведения в 1929 г.¹³, возвращаться в СССР из командировки, а, фактически, из эмиграции в США, не собирался.

Не было единства и в самой академической среде. Конфликты происходили и между отделениями, и внутри отделений. Уже упоминавшийся выше академик В.П. Бузескул писал в том же письме С.А. Жебелёву 17 июня 1927 г.: «Мое давнее впечатление, что в Академии как-то заглушено коллегиальное начало. Я сравниваю с бывшим университетом (Харьковским) и нахожу, что в университете в самые тяжелые времена, при самых властных ректорах, больше сказывалось коллегиальное начало, нежели мы видим это в Академии. В Академии Наук мы играем роль в сущности статистов»¹⁴.

С одной стороны, часть академиков была недовольна усилением «партии востоковедов» — в нее помимо индологов С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского входили тюрколог, иранист, арабист В.В. Бартольд, арабист И.Ю. Крачковский, семитолог П.К. Коковцов, кавказовед Н.Я. Марр. В преддверии выборов 1927 г. В.П. Бузескул делился своими опасениями с С.Ф. Платоновым: «Мне известны отзывы о профессорах Владимирцове и Алексееве, как о прекрасных специалистах, но избирать востоковедов не значит ли это превращать наше Историко-филологическое отделение в Восточное?...»¹⁵. С другой стороны, и среди самих востоковедов не было единства. Позиция С.Ф. Ольденбурга, вынужденного активно идти на компромиссы с властью, вызывала резкое неприятие у таких его коллег, как академики-востоковеды Ф.И. Щербатской и П.К. Коковцов. В их переписке встречаются, например, такие пассажи: «идея должна состоять в том, что нынешнее положение нетерпимо, и надо сделать все, чтобы его изменить»¹⁶ (письмо от 20 августа 1927 г.). 24 сентября того же года Ф.И. Щербатской писал П.К. Коковцову: «Вы понимаете, что

¹³ См. в представлении Н.П. Горбунова в Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 июля 1929 г. в отношении А.А. Васильева: «...без византиниста Академию оставлять нельзя» (Академия наук в решениях Политбюро... С. 66).

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 26 об.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 12.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 444. Л. 10.

мне идти в “помощники” к Ольденбургу очень трудно, это имело бы смысл только если бы вслед за тем произошла смена министерства, но ведь они так скоро не сдадутся. Идея выборов в том, чтобы дать выражение нашего неодобрения действиями президиума и поэтому мы должны объединиться на одном кандидате»¹⁷.

В этой связи появление фигуры Дмитрия Власевича Айналова (1862–1939) среди кандидатов в действительные члены АН СССР, с одной стороны, не может считаться случайным. Ученик Н.П. Кондакова, он пользовался заслуженным авторитетом и, не входя в ту или иную академическую партию, не вызывал раздражения у коллег. С другой стороны, историк архитектуры и искусства — античного, западно-европейского, византийского, в основе своей религиозного, филолог-славист, автор ряда работ, посвященных «Слову о полку Игореве», — был фигурой едва ли соответствовавшей новому направлению в развитии академической науки рубежа 1920-х — 1930-х гг. и привлекательной для власти.

Некоторые материалы, касающиеся участия Айналова в выборах в действительные члены АН СССР в 1928 г., в частности записка о его ученых трудах, составленная С.А. Жебелёвым, уже были изданы¹⁸. Кратко участие Айналова в выборах передается И.В. Тункиной следующим образом: «В 1927 и 1929–1930 выдвигался в действительные члены АН СССР; первый раз по специальности история искусств, второй и третий — как византист, но все три раза неудачно (в 1929 и 1930 не мог быть избран по политическим мотивам, т.к. конкурировал с историками-марксистами)»¹⁹. Между тем целый ряд других документов проливают дополнительный свет на историю его академической карьеры.

Биография и научное творчество Д.В. Айналова различных периодов уже становилось предметом подробного рассмотрения²⁰,

¹⁷ Там же. Л. 17.

¹⁸ Тункина И.В. Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове // Церковная археология. Материалы Первой всероссийской конференции. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 67–73; Тункина И.В. Академик С.А. Жебелёв. Отзыв о научных трудах Д.В. Айналова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 57–62.

¹⁹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. статья, подгт. текста, коммент. и библиогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 479–480.

²⁰ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 259–312; Сыченкова Л.А. О «немецкой колонизации» русской науки: размышления над письмами Д.В. Айналова // Гасырлар Авазы = эхо веков. 2007. № 1 (46). С. 137–142; Филиппенко Р.И. К вопросу о формировании школы истории искусства Харьковского и Петербургского университетов: Е.К. Редин и Д.В. Айналов — друзья и коллеги // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 63–67 и др.

его *cursus honorum* изложен довольно подробно²¹. Следует лишь напомнить, что в 1914 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, а в годы революционного лихолетья оказался отрезан от основных научных центров.

19 декабря 1921 г. он писал С.Ф. Платонову из Симферополя, прося о помощи с возвращением и обустройством в Петрограде: «могу и лекции читать по-прежнему ... но все же с большим удовольствием я сидел бы при больших художественных собраниях, изучая их и печатая о них исследования»²².

Последняя надежда, однако, сбылась не полностью. Несмотря на то что в 1921 г. директором одного из таких «больших художественных собраний», Русского музея, стал его ученик Н.П. Сычев, Айналову места в музее не нашлось. Более того, отношения между учеными стали весьма натянутыми. С.А. Жебелёв писал о них Н.П. Кондакову 13 января 1925 г.: «почти не разговаривают; кто прав, кто виноват, не знаю»²³. В.В. Воинов же отметил по случаю выступления Сычева на юбилейном чествовании Айналова 15 января 1924 г.: «Выступать ему было бестактно, после того как он самым бесцеремонным образом выпер Дмитрия Власевича и из совета Художественного отдела Русского музея и из Музея древностей»²⁴.

Иначе сложились его отношения с другим «большим художественным собранием», Эрмитажем. Как только на заседании его Совета 4 июля 1921 г. было объявлено о возвращении Айналова в Петроград и желательности его избрания членом Совета, решено было «произвести, ввиду желательности ускорить дело, как исключение, немедленную баллотировку» и ученый тогда же был единогласно избран²⁵. На следующем заседании было предложено избрать его на должность хранителя, причем — редчайший случай — «без точного определения по какому отделению». Что и произошло 18 июля 1921 г.²⁶

Вернувшись в Петроград, Айналов служил также в Российской академии истории материальной культуры, где возглавлял Разряд археологии средневекового Запада и эпохи Возрождения²⁷. Там же он возглавлял Крымскую комиссию, а в Разряде археологии и искусства

²¹ Бузескул В.П. Указ. соч. С. 480.

²² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2061. Л. 24 об.

²³ Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 749.

²⁴ Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964). М., 2006. С. 50.

²⁵ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 2. 1920–1926. СПб., 2009. С. 350.

²⁶ Там же. С. 354, 356.

²⁷ Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Публ. и прим. И.В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2002. С. 184.

раннехристианского и византийского ученый выступал с докладами на крымские сюжеты, в частности «Мраморы Херсонеса» (1922)²⁸. Служба в Эрмитаже и РАИМК, вероятно, не решала всех финансовых затруднений ученого, поэтому ему пришлось вернуться и на преподавательскую деятельность — восстановив занятия в Петроградском университете и продолжив прерванные революционным лихолетьем лекции в Российском институте истории искусств. О последних один из его слушателей вспоминал впоследствии так: «Обычно, придя на лекцию, Айналов минут десять молчал и, тяжело дыша, отдыхал. Отдохнув, он несколько минут бранил житейские неудобства: ему, старому ученому, приходится добираться на трамвае, где его жмут, толкают и так далее. Только после этого вступления он начинал лекцию»²⁹.

В контексте данной статьи это обстоятельство важно отметить, т.к. избрание в академики, вероятно, несколько упрочило бы материальное положение ученого, позволив сконцентрироваться именно на научной работе, которая, судя по всему, была для него предпочтительнее преподавательской деятельности. Следует обратить внимание также и на упоминание в письме Платонову «больших художественных собраний», которое указывает на то, что и в этот период Айналов оставался верен научным установкам своего учителя, академика Н.П. Кондакова. Научное исследование для него, как и для других «фактопоклонников» круга Кондакова, в первую очередь было исследованием конкретного памятника или группы памятников, что, конечно, никак не соответствовало социологической ориентации подходов, насаждаемых в этот период государством.

Верность этой научной традиции не могла не импонировать многим академикам. Вполне естественно, что имя Айналова периодически упоминалось в контексте выборов в Академию. Так, например, 21 февраля 1927 г. В.П. Бузескул, проживавший в Харькове и не имевший возможности лично участвовать в обсуждении кандидатов на академические кресла, направил секретарю Отделения И.Ю. Крачковскому телеграмму следующего содержания (по крайней мере, так оно передано в его письме С.А. Жебелёву от 27 февраля того же года): «По классической филологии по-прежнему предлагаю Жебелёва. Мотивы — в моей “Записке”; ссылаюсь и на отзыв Ростовцева. По новой истории первым кандидатом Кареева, по истории искусств — Фармаковского, если оправится, затем Айналова. Подробности письмом. Прошу сообщить мое мнение совещанию»³⁰.

²⁸ Жебелёв С.А. Список докладов, прочитанных в Разряде археологии и искусства ранне-христианского и византийского в 1919–1926 гг. // *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire d'art. Études Byzantines*. I. 1927. P. 323.

²⁹ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris, 1995. С. 108.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 7 об.

Поддержавший Айналова Бузескул оказался в меньшинстве. В том же письме Жебелёву он констатировал: «Думаю, что Вам известны результаты этого совещания. Относительно Вас особых прений на этот раз не было: наговорились достаточно уже на предыдущем совещании, 2-го сентября; Вы намечены — уже вторично — в академики большинством голосов против 2. 2-го марта предполагается — уже в формальном заседании — заслушать “Записку” о Ваших трудах, а 16-го — баллотировать ...

Зато с Н.И. Кареевым, к моему большому сожалению, я потерпел — кажется, окончательно — неудачу: его кандидатуру отклонили и, по-видимому, остановились на Е.В. Тарле, признав необходимость иметь в составе Академии специалиста по новой истории, а не по средней (в последнем случае кандидатом был Д.М. Петрушевский). Я огорчен, мне больно за Николая Ивановича, но я не буду против Е.В. Тарле, раз кандидатура Н.И. Кареева окончательно отпала. Не прошли и Б.В. Фармаковский, и Д.В. Айналов; зато выдвинуты востоковеды. Если они пройдут, то Историко-Филологическое Отделение Академии фактически превратится в *Восточное*»³¹.

Летом того же 1927 г. Бузескул писал и Платонову: «Что касается кандидатов-историков, названных Вами, то они вполне приемлемы и с моей точки зрения. Более того: я и сам думал, что необходимо предложить Д.М. Петрушевского в академики. Относительно же византиниста надо, конечно, условиться с Ф.И. Успенским, и тут придется быть сугубо осторожным: как бы он не подумал, что хотят его еще заживо заменить другим византинистом. Затем — кроме А.А. Васильева есть еще специалист — В.Н. Бенешевич. Кому из них Ф.И. отдает предпочтение? Все это вопросы весьма щекотливые. С своей стороны я полагал бы, что необходимо подумать и о замещении вакансий по ближайшим к нам специальностям. Необходим археолог или историк искусства (Б.В. Фармаковский или Д.В. Айналов). В настоящее время громадное значение приобрела папирология (греческая), и по этой части есть, по-моему, прекрасный специалист в лице Г.Ф. Церетели; кстати, это установило бы связь и с Грузией. А, может быть, понадобится латинист. Думаю, что и тут найдутся подходящие кандидаты.

Раз чуть не вдвое [увеличилось] число академиков, то, может быть, нашлось бы место и для Н.И. Кареева (откровенно говоря, мне больно за него, если и при “массовом производстве” академиков он будет обойден; по моему мнению, он заслуживает избрания). Впрочем, в сентябре, если ничто не помешает, надеюсь быть в Петрограде и тогда подробнее переговорить о стоящих перед нами задачах»³².

³¹ Там же. Л. 7 об. – 8.

³² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 13–13 об.

«Записка об ученых трудах Д.В. Айналова», составленная академиком С.А. Жебелёвым, — лишь одно из представлений к званию академика — опубликована относительно недавно³³. Любопытно, что в этом случае Жебелёв выступал только от своего имени, тогда как других кандидатов он поддерживал совместно с коллегами.

Не получил, однако, поддержки не только Айналов, но и другой, предложенный, но затем отозванный С.А. Жебелёвым кандидат, Г.Ф. Церетели, из ответного письма которого от 27 октября 1928 г. можно узнать некоторые детали происходившего при подготовке к выборам: «Помимо всего прочего, я из Вашего последнего письма понял (да и как было не понять?), что Вы сняли мою кандидатуру после того, как было заявлено, что хотя в моей научности нет сомнений, придется обсудить еще “не нужно ли отдать предпочтение” перед классической филологией “другим, более актуальным дисциплинам”»³⁴.

Помимо С.А. Жебелёва, Д.В. Айналов был выдвинут в Академию наук «группой археологов и историков искусства Москвы» в количестве 22 человек, при этом под документом стоит только одна подпись — профессора А.А. Захарова. Остальные фамилии скрываются под аббревиатурой «и др.». Этот документ сохранился, в частности, в фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН.

«2. VII. [1928]

Мы, нижеподписавшиеся — группа историков искусства и археологии Москвы — считаем своим научным и гражданским долгом подчеркнуть желательность избрания в число членов Академии наук СССР профессора А<йналова>. Тот отдел исторической науки, который связан с исследованием памятников искусства и материальной культуры, имеет в лице А<йналова>, одного из крупнейших своих представителей. Особенно необходимо подчеркнуть, что роль и значение А<йналова> распространяется не только на русскую науку: громадное влияние его работы оказали и на труды западно-европейских ученых.

Нет необходимости перечислять названия книг и статей А<йналова> или излагать их содержание, достаточно хорошо известное всем работающим в области искусствознания и археологии. Укажем только, что начало научному истолкованию такого важного отдела истории русских древностей, как мозаики и фрески Киева, было положено А<йналовым>; современное понимание искусства

³³ Тункина И.В. Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове; Тункина И.В. Академик С.А. Жебелёв. Отзыв о научных трудах Д.В. Айналова.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 133. Л. 306–307.

эпохи эллинистической Византии восходит к его же трудам; первая, широко задуманная, общая работа о характере и природе живописи эпохи Палеологов, выполнена А<йналовым>. Нет почти такого вопроса в истории византийской и древнерусской живописи, архитектуры и скульптуры, прикладного искусства, которого не коснулся бы А<йналов>, по которому он не высказал бы своей точки зрения, всегда полной понимания предмета, отображающей исключительную эрудицию автора и в смежных дисциплинах. Даже каждая небольшая рецензия А<йналова> дает такой материал, обнаруживает такое богатство мыслей, которые весьма не часто встретишь в статьях и значительных размерах. Вместе с тем, А<йналов> не замыкается в узком кругу своей основной специальности; известны его чрезвычайно ценные работы по истории итальянского искусства, античного, русского, первобытного.

Блестящий исследователь с острой и смелой мыслью, А<йналов> входит в историю науки и как учитель целого ряда работников в области тех дисциплин, над которыми он работал.

Кроме большого числа ученых, имеющих счастье А<йналова> считать своим непосредственным учителем, есть много и таких, которые пользовались советами и указаниями А<йналова> лишь эпизодически. Но и эти отдельные указания и советы, всегда оказывали значительное и плодотворное влияние на научное развитие тех, кто их получал.

Авторы настоящего заявления полагают, что имя А<йналова> является именем мирового ученого, а потому и не приняли на себя подробного разбора его сочинений, считая, что простого напоминания указанного положения вещей обеспечит избрание А<йналова> в число членов Академии наук СССР.

Группа ученых: проф. А.А. Захаров и др.

(22 подписи)»

[Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2. Л. 178, 181, 185, 187]

Другая рекомендация также подписана «группой ученых».

«Айналов Дмитрий Власьевич

Научно-исследовательская деятельность А<йналова> охватывает искусство древнехристианское, византийское, древнерусское и искусство итальянского Возрождения. Во всех этих областях А<йналову> принадлежит длинный ряд трудов. На протяжении с 1899 г. по 1927 г. они не только посвящены изданию памятников искусства, впервые пущенных в научный обиход А<йналовым>, но и представляют собой обширные исследования, касающиеся разработки проблем первостепенного научного значения. Таковы, например, монографии

А<йналова> об эллинистических основах византийского искусства, византийской живописи XIV в., древнехристианских мозаиках IV и V вв. Те положения, которые обоснованы А<йналовым> в этих трудах, вошли в общенаучный обиход, и ссылками на них испещрены руководства по византийскому искусству Шарля Диля и Дальтона. Работы А<йналова> о древнерусском искусстве, основанные как на изучении сохранившихся памятников, так и на разборе сведений, заключающихся о нем в произведениях древнерусской письменности, блещут новизной и основательностью выводов и проливают яркий свет на недостаточно еще исследованную область нашего художественного прошлого. Исследования А<йналова> по искусству итальянского Возрождения, в частности, его последняя (1927 г.) работа, связанная с творчеством Леонардо-да Винчи, показывают, с каким углубленным знанием дела подходит А<йналов> к вопросам, много раз обсуждавшимся в науке и все еще не получившим надлежащего разрешения. Будучи одинаково силен и в интерпретации художественного синтеза и в анализе художественной формы, А<йналов> умеет дать в результате произведенного им анализа синтез художественного стиля памятников, поставленных им в историческую преемственность и взаимоотношение.

Со смертью Н.П. Кондакова Академия наук оказалась лишенной представителя по истории искусства. Привлечение в состав работников Академии наук ученика Н.П. Кондакова, каковым является А<йналов>, достойным образом заполнило бы этот пробел и дало бы возможность АН принять участие в разработке такой важной среди гуманитарных наук дисциплины, какою является история искусства, тесно связанная с историческими науками вообще, так и с социологией».

[Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2. Л. 188]

Более подробное описание предвыборного периода содержится в письме С.А. Жебелёва М.И. Максимовой от 14 октября 1928 г.: «В Академии — избирательная кампания во всю. Подробности узнаете по приезде — они очень поучительны и интересны. ... Вообще же, вероятно, ни один из представленных мною кандидатов (Айналов, Покровский³⁵) не пройдет; Радлов³⁶ тоже сам снял свою кандидатуру

³⁵ Покровский Алексей Иванович (1868–1928) — историк-антиковед, профессор Нежинского историко-филологического института (1894), профессор университета Св. Владимира в Киеве (1905), профессор Нежинского института народного образования (1922).

³⁶ Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) — философ, историк философии; в 1882–1899 — сотрудник Публичной библиотеки, помощник директора (1916), директор (1918–1924), заведующий отделением филологии (1924–1927); преподавал в Училище правоведения, Александровском лицее, на Высших женских курсах; член-

и, как оказалось, поступил правильно. Как я не сошел с ума от всего происходящего, не знаю; впрочем, еще осталось время сойти, тогда, во всяком случае, докажу, что ум был»³⁷.

Участие в выпуске “*Seminarium Kondakovianum*” памяти Я.И. Смирнова³⁸ сделало Айналова фигурантом предвыборного «дела». Как и другие авторы этого тома, он был вынужден оправдываться³⁹, и вместо академической кафедры Айналова ждали репрессии⁴⁰.

Относительно же последующих выборов в Академию наук СССР, на которых Айналов, умерший в 1939 г., теоретически мог бы пополнить число академиков⁴¹, многое говорит следующий фрагмент из письма академика Д.М. Петрушевского академику С.А. Жебелёву 20 декабря 1931 г.: «Прочел в газете список кандидатов, которых нам предстоит выбрать в следующую сессию под страхом опять грозное *quos ego*⁴² от собственных товарищей, и больше утвердился в мысли, что нашему отделению малый срок отведен в книге живота, и что очень скоро немногочисленные буржуазные историки, в нем еще находящиеся, превратятся в культурный пережиток, годный лишь в качестве экспоната на антибуржуазной выставке, которую не замедлят устроить Ольденбург с Моториным и председателем месткома, прошлую весною так энергично выступавшим против Академии

корреспондент РАН (1920). Работы по истории античной философии составляли незначительную часть творческого наследия Э.Л. Радлова.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 38 об. – 39. Далее о других кандидатах — византист В.Н. Бенешевиче и папирологе-антиковеде Г.Ф. Церетели: «Теперь занимаюсь докладом в память Ф.И. Успенского, чествовать которого в Академии наук предполагают 28 октября. Его кандидат — Бенешевич — снят с очереди без рассмотрения. А за выступление в пользу Гриши, лучше сказать, в связи с ним, я чуть было не приведен председателем (Марром) к порядку. Вообще дела, дела!». — Там же. Л. 39 об.

Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) — византист, историк средневекового права, профессор СПбУ/ИГУ/ЛГУ (1909–1922, 1934–1937), чл.-корр. РАН (1924). Неоднократно репрессирован.

Церетели Григорий Филимонович (1870–1938 или 1939) — антиковед-филолог, папиролог, чл.-корр. РАН (1917). Предположительно расстрелян или скончался при пересылке, точные дата и место смерти неизвестны.

³⁸ Айналов Д.В. Новый иконографический образ Христа // *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire d'art. Études Byzantines*. II. 1928. P. 19–25.

³⁹ См. его «покаянное письмо»: Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Альманах*. Вып. II. СПб., 2000. С. 132–133.

⁴⁰ См.: Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. М.; СПб., 1995. С. 145.

Сведения о пребывании Д.В. Айналова в заключении не находят документального подтверждения. См.: Бузескул В.П. Указ. соч. С. 480.

⁴¹ Относительно попыток выдвинуть Д.В. Айналова на выборах 1929 г. см.: Анфертьева А.Н. Д. Указ. соч. С. 285.

⁴² Вот я вас! (*лат.*).

в ее общем собрании. Неужели Морозова серьезно хотят посадить в академическое кресло, а не в психиатрическую лечебницу? Неужели Богораз тоже будет выбран в академики? Тогда почему же не украсить академическими лаврами и типичнейшую свинью в ермолке из Музея антропологии и этнографии, куда она забралась по яфетической воле, тем более что она уже уполномочена замещать неожиданного нового главу группы академиков-историков, экономистов и социологов?»⁴³.

* * *

15 декабря 1939 г. «Известия» опубликовали краткий некролог, в котором говорилось: «Отделение литературы и языка АН СССР извещает, что 12 декабря с.г., на 77-м году жизни, скончался в Ленинграде член-корреспондент Академии наук СССР, крупный ученый, специалист по истории византийского и древнерусского искусства, имеющий европейскую известность, Д.В. Айналов, и выражает соболезнование семье покойного».

В сохранившемся фрагменте письма к М.И. Максимовой, написанном вскоре после смерти Д.В. Айналова, С.А. Жебелёв писал: «С Айналовым сошел последний мой друг из числа оставшихся в СССР. Если бы Айналов дожил до февраля 1940 г., мы могли бы справить серебряную свадьбу нашей дружбы, за все это время ни разу не омраченной ... Хотелось бы написать об Айналове хорошую статью — вся его деятельность прошла у меня на глазах, но где взять для этого время и настроения, не знаю»⁴⁴.

References

Anfert'yeva A.N. *D.V. Ainalov: zhizn', tvorchestvo, arkhiv* [D.V. Ainalov: Life, Works, Archive] // *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge* [Archives of Russian Byzantinists in Saint Petersburg] / Ed. by I.P. Medvedev. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. P. 259–312.

Buzeskul V.P. *Vseobshchaya istoriya i yeye predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka* [World History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries] // Comp., pref., prep. of the text, comm. and bibl. index by I.V. Tunkina. Moscow: Indrik, 2008. 832 p.

Filippenko R.I. *K voprosu o formirovanii shkoly istorii iskusstva Khar'kovskogo i Peterburgskogo universitetov: E.K. Redin i D.V. Aynalov — druz'ya i kollegi* [On the Formation of the School of Art History at Kharkov and Petersburg Universities: E.K. Redin and D.V. Ainalov, Friends and Colleagues] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*. 2015. № 3. P. 63–67.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 93. Л. 10.

⁴⁴ Там же. Д. 151. Л. 81. Текст был написан и опубликован: Жебелев С.А. Памяти Д.В. Айналова (1862, II. 21 — 1939, XII. 12) // Известия Отделения литературы и языка. 1940. № 3. С. 133–135.

Kokovtsov P.K. *Dlya ustanovleniya istiny* [To Establish the Truth] // *Kunst-kamera. Etnograficheskiye tetradi*. 1993. Issue 1. P. 151–156.

Kyzlasova I.L. *Nikolay Petrovich Sychev (1883–1964)*. Moscow: Skanrus, 2006. 328 p.

Perchenok F.F. *K istorii Akademii nauk: snova imena i sud'by... Spisok represirovannykh chlenov Akademii nauk* [On the History of the Academy of Sciences: Names and Destinies Again... The List of the Repressed Members of the Academy of Sciences] // *In memoriam: Istoricheskiy sbornik pamyati F.F. Perchenka* [A Historical Collection in Memory of F.F. Perchenok]. Moscow; Saint Petersburg: Feniks; Atheneum, 1995. P. 141–210.

Sychenkova L.A. *O "nemetskoy kolonizatsii" russkoy nauki: razmyshleniya nad pis'mami D.V. Aynalova* [On the "German Colonization" of Russian Science: Reflections upon D.V. Ainalov's Letters] // *Gasyrlar Avazy = ekho vekov*. 2007. № 1 (46). P. 137–142.

Tunkina I.V. *Akademik N.P. Kondakov: posledniye gody zhizni (po materialam epistolyarnogo naslediya)* [Academician N.P. Kondakov: The Last Years of His Life (Based on His Epistolary Heritage)] // *Mir russkoy vizantinistiki* [The World of Russian Byzantine Studies] / Ed. by corresponding member of the RAS I.P. Medvedev. Saint Petersburg; Dmitriy Bulanin, 2004. P. 641–765.

Tunkina I.V. *Akademik S.A. Zhebelev. Otzyv o nauchnykh trudakh D.V. Aynalova* [Academician S.A. Zhebelev. Review of the Academic Works by D.V. Ainalov] // *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik: K 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* [Nevsky Archaeological and Historiographic Collection: To the 75th Anniversary of Candidate in History A.A. Formozov]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2004. P. 57–62.

Tunkina I.V. *"Delo" akademika Zhebelova* [Academician Zhebelev's "Case"] // *Drevniy mir i my: Klassicheskoye nasledie v Yevrope i Rossii. Al'manakh* [Ancient World and We: Classical Heritage in Europe and Russia. Almanac]. Issue II. Saint Petersburg: Aleteia, 2000. P. 116–161.

Tunkina I.V. *Otzyv S.A. Zhebelova o D.V. Aynalove* [S.A. Zhebelev's Judgment about D.V. Ainalov] // *Tserkovnaya arkheologiya. Materialy Pervoy vserossiyskoy konferentsii Church Archeology. The Acta of the First All-Russian Conference*. Part 3: *Pamyatniki tserkovnoy arkheologii Rossii* [Sites of Church Archeology in Russia]. Saint Petersburg; Pskov: [S. n.], 1995. P. 67–73.

Zhebelev S.A. *Pamyati D.V. Aynalova (1862, II. 21 — 1939, XII. 12)* [In Memory of D.V. Ainalov] // *Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka*. 1940. № 3. P. 133–135.

Zhebelev S.A. *Uchenyye stepeni v ikh proshlom, vozrozhdeniye ikh v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ikh vyrozhdeniya v budushchem* [Academic Degrees in Their Past, Their Revival in the Present and the Threat of Their Degeneration in the Future] / Publ. and comm. by I.V. Tunkina // *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Essays on the History of Russian Archeology]. Moscow: Nauka, 2002. Issue III. P. 146–194.

Поступила в редакцию
29 июня 2020 г.